

Сергей Донской

ЗАКОН ДЛЯ БРАТВЫ

ВОРОВСКОЙ ОБЩАК

Закон для братвы

Сергей Донской
Воровской общак

«Автор»

Донской С. Г.

Воровской общак / С. Г. Донской — «Автор», — (Закон для братвы)

Молодого бандита Руслана подставили, решив повесить на него пропажу воровского общака. Он был обречен поплатиться головой за свою доверчивость, но киллер, посланный по следу Руслана, оказывается его кровным братом. Удастся ли им вдвоем найти и покарать реальных похитителей общака? Выдержит ли их дружба испытание любовью к одной девушке? Как распорядятся они огромными деньгами, если доберутся до них? Все это и многое другое читатель узнает в новом романе Сергея Донского, предлагаемого вашему вниманию.

© Донской С. Г.

© Автор

Содержание

Глава первая	5
1	5
2	8
3	10
Глава вторая	13
1	13
2	15
3	16
Глава третья	20
1	20
2	22
3	24
4	26
Глава четвертая	30
1	30
2	33
3	35
Глава пятая	37
1	37
2	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сергей Донской Воровской общак

Глава первая

1

Руслан захлопнул дочитанную книгу и посмотрел на обложку, чтобы запомнить автора. Ловко пишет этот Жора Курский! И жизнь воровскую, видать, знает не понаслышке. Глядишь, на склоне лет Руслан тоже тиснет бандитский роман, а может, и не один. Чем черт не шутит?

Мысль вызвала усмешку на его выразительном, красивом лице, слегка попорченным шрамом на верхнем веке. Из-за этого левый глаз Руслана казался меньше правого и был скошен вниз. В остальном молодой вор отличался завидной внешностью. Во время недавней отсидки это создало ему определенные проблемы, но зато и помогло подняться с нуля. Руслан очень быстро доказал, что он принадлежит к воровской масти и никому не позволит усомниться в этом.

Свою романтическую кличку он получил благодаря своим светлым, жестким волосам, пытавшимся курчавиться, несмотря на короткую стрижку. Дело было в камере пересыльной тюрьмы, где один босяк, заинтересовавшись внешностью молоденького и явно неопытного парнишки, поманил его пальцем:

– Эй, блондинчик! Хиляй сюда.

Новичок даже глазом не повел в его сторону.

– Тебе говорят, блондинчик, – повысил голос босяк. – Иди, покажу кое-что.

– Сам любуйся своим кое-чем, – был ответ. – И заруби себе на носу: я не блондин, я русский.

Состоялся жестокий, но честный поединок, в результате которого босяк лишился двух зубов и убежденности в том, что всякий смазливый новичок является его потенциальной добычей. Ну а Руслан приобрел кличку, видоизменявшуюся по мере того, как менялся его статус среди сидельцев. Сперва он был Русым, потом некоторое время ходил Русаком и, наконец, стал Русланом.

Пять лет пролетели не то, чтобы незаметно, но все же быстрее, чем думалось, когда впаляли срок. За эти годы Руслан многое понял, многому научился, многое для себя решил. Искать какую-нибудь унижительную работу, на которой пришлось бы ишачить на «дядю» за подачку, он, разумеется, не собирался. Затеять собственный бизнес и становиться «комерсом» тоже не входило в его планы. Деньги – не самое главное в этой жизни. Куда важнее такие понятия как свобода, честь, дружба.

Его лучшими корешами на свободе были Головастик и Баркас, которые судимостей пока не имели, но имели полное представление о понятиях, по которым следует жить правильным пацанам.

Головастик был совсем еще молодой парень, недавно откосивший от срочной службы. Лицо у него было почти детское, излишне округлое и белое, как сдобное тесто. Для солидности он уже несколько недель отпускал усы, но получались они белесые, почти незаметные, поэтому Головастик украдкой затемнял их с помощью горелых спичек.

Баркас в подобных уловках не нуждался. Ему недавно стукнуло двадцать семь, в сущности он был матерым мужиком с щетинистым лицом, волосатой грудью и кривоватыми ногами, косолапящими при ходьбе. Ударом кулака Баркас валил с ног любого противника. Потом,

правда, доставалось и ему, потому что в драке он был нерасчетлив и терял голову от злости и боли. А вот Головастик подраться не только любил, но и умел. Руслан неоднократно убеждался в этом за годы их дружбы.

Сам он обладал недюжинной силой, однако заметил, что во время отсидки сделался не таким мускулистым и жилистым, как прежде. Сказывался малоподвижный образ жизни, отсутствие витаминов, привычка подолгу спать, тем самым сокращая время, оставшееся до «звонка». Чтобы вернуть себе прежнюю форму, Руслан целый месяц старался соблюдать жесткий режим и вести спортивный образ жизни. Он ограничивал себя в куреве, мало выпивал, по утрам качался и отжимался, даже записался в плавательный бассейн. Но сегодня Руслан решил оттянуться по полной программе. С завтрашнего дня ему предстояло подыскать себе и корешам какое-нибудь дельце, способное обеспечить их деньгами. Перед этим следовало хорошенько отдохнуть. Чем друзья и занялись вплотную.

Для начала они решили покататься по городу на тачке Руслана, доставшейся ему незадолго до того, как он загремел на нары. Это был довольно приличный «Ситроен» белого цвета, с оскаленным черным барсом на капоте. Разумеется, «Ситроен» в свое время угнали, а потом перебили номера, но Руслана это абсолютно не смущало. Главное, что у него были колеса и они крутились. Руслан любил промчаться на предельной скорости по ночному городу, врубив музон погромче. Конечно, этим он не злоупотреблял, потому что понимал, как это может мешать мирным гражданам, отдыхающими перед тем, как снова и снова проснуться лишь для того, чтобы отправиться ишачить на какого-нибудь дядю или на целое скопище «дядей», имеющих себя государством. Но иногда оторваться все же хотелось, и тогда Руслан отрывался.

– Где осядем? – спросил он, перекрикивая шансон, несущийся из мощных динамиков.

– А без разницы, – отозвался Баркас, успевший, видимо, проглотить жменю своих заветных таблеточек, а потому немного скучный и очень расслабленный.

– Давай в «Манхэттен» наведемся, – предложил Головастик.

Руслан подумал, что из этого ночного клуба они выйдут с пустыми карманами, но это даже хорошо. Быстрее дельце провернут. Потому что без денег порядочным пацанам сидеть не пристало.

– «Манхэттен», так «Манхэттен», – сказал он, выворачивая на широкий и почти пустынный проспект Ленина. – Только с завтрашнего утра сухой закон вводится. Делу время, потехе час.

Чтобы все его услышали и потом не отмазывались, он выключил музыку.

– Я – за, – сказал Головастик, сидевший в гордом одиночестве на заднем сиденье.

– Без вопросов, – сказал Баркас и принялся разминать пальцы, щелкая суставами.

Руслан терпеть не мог эту дурацкую привычку товарища. Он хотел предложить ему перебраться назад и там хоть пальцы ног выкручивать, но не успел, потому что «Ситроен» подрезала черная, хищная «Мазда», выскочившая неизвестно откуда. Если бы Руслан не успел вовремя ударить по тормозам, то кое-кто этой ночью отправился бы не в «Манхэттен», а прямиком в травматологию.

– Вот падла! – возмутился Баркас, держась за ушибленный нос. – Он что, слепой?

– Крутой, – возразил Головастик. – Или таковым себя считает.

Руслан молча прибавил скорости, почти поравнялся с черной «Маздой» и несколько раз ударил кулаком по клаксону: «фа-фа!»

Этим бы он и ограничился, если бы не вызывающее поведение лихача. Вместо того, чтобы признать свою вину, он опустил затемненное стекло и высунул наружу руку, изображающую интернациональный знак «факью».

– Блин! – воскликнул Баркас, окончательно вышедший из своего созерцательного транса. – Да я ему этот палец оторву, на хрен!

Руслан снова промолчал. Холодно глядя своими немигающими серо-голубыми глазами на «Мазду», он резко утопил педаль газа. Взревевший «Ситроен» обошел нарушителя правил дорожного движения, некоторое время двигался параллельным курсом, а потом принял вправо. Таким образом, Руслан тоже подрезал обидчика. Тому это не понравилось. Вынужденный резко затормозить, он высунулся в окно с проклятиями.

Руслан, вместо того, чтобы уехать, остановился. Он был воспитанным человеком, а воспитанный человек не станет делать вид, что он не замечает, когда к нему обращаются.

– Чего тебе? – спросил он у водителя «Мазды».

Это был спортивного вида мужчина, образ которого прекрасно дополнялся новенькими джинсами и белоснежными кроссовками. Короткие рукава рубахи не скрывали выпуклых бицепсов. Часы он носил на правой руке, что выдавало в нем левшу. На всякий случай отметив это обстоятельство, Руслан стоял неподвижно, наблюдая, как из «Мазды» выбираются еще трое – все крепкие, воинственно настроенные, одетые неброско, но явно недешево. Все четверо, посоветовавшись, неспешно направились к «Ситроену», беря его в полукольцо.

– Пацаны, – негромко позвал он, и несколько секунд спустя друзья стояли рядом с ним – один по левую руку, другой по правую.

Мимо проносились машины, но пешеходов было мало, а те, которые заметили, что на ночной улице происходит что-то неладное, торопливо переходили на другую сторону или исчезали за углами зданий. На площади, прилегающей к ленинскому проспекту, тоже было пусто. Оценив обстановку, Руслан пробормотал:

– Выяснить отношения нам здесь никто не помешает. Главное, по-быстрому этих борзых фраерков отключить.

Те, кого он назвал фраерками, находились уже совсем рядом.

– Вам проблемы нужны? – поинтересовался Головастик, выступая вперед.

Он тут же схлопотал кулаком в челюсть, отлетел назад и сел, мотая головой.

– Им нужны проблемы, – констатировал Руслан, бросаясь вперед.

– Создадим, – пообещал Баркас.

Слаженно работая кулаками и ногами, они быстро «урунили» на асфальт двоих противников, после чего взялись за тех, которые выдержали первый натиск. Спортивный мужчина в белых кроссовках получил от Руслана три зуботычины подряд и, отступая, выхватил из под рубахи портативную рацию.

– Шестой, шестой, – пропыхтел он, довольно умело отбиваясь одной рукой, – срочно высылай наряд на площадь Ленина. Нападение на патруль, нападение...

Подпрыгнув, Руслан нанес ему мощный удар обеими подошвами. Владелец рации опрокинулся, как неосторожно задетый манекен. За доли секунды до этого Баркас уложил своего противника и сцепился с новым, успевшим подняться с земли. Головастик азартно месил кулаками того, кто заехал ему в челюсть.

– Атас, – пацаны, – крикнул Руслан, заслышав истошный вой сирен, приближающийся к площади. – Мы на мусарню нарвались! Сматываемся!

Но подходы к «Ситроену» оказались перекрытыми. Воодушевленные приближением подмоги, мужчины из «Мазды» сплотились, став плечом к плечу. Водитель в белых кроссовках нырнул в салон автомобиля, отыскивая там явно не боксерские перчатки и не теннисную ракетку.

«Шмальнет, – понял Руслан. – Достанет ствол и шмальнет. И ведь закон, как всегда, окажется на его мусорской стороне».

Разбежавшись, он вторично прыгнул на противника, который как раз начал распрямляться с пистолетом в руке. Увидев бесславное падение своего вожака, остальные трое бросились врассыпную.

2

Сирена верещала где-то совсем рядом. Не теряя ни секунды, Руслан запрыгнул в «Ситроен». За ним последовал Головастик, потом Баркас, ноги которого проволочились по земле, когда автомобиль сорвался с места.

Заложив крутой вираж, Руслан погнал «Ситроен» не прочь от ментов, а навстречу им. Это позволило покинуть площадь незамеченными. Сделав несколько крутых поворотов, Руслан стал колесить по дворам, прилегающим к проспекту Ленина.

– Опасно, – предупредил Баркас. – Зачем ты возвращаешься? Заметут ведь!

– Как раз здесь искать не станут, – ответил Руслан. – Сейчас улицы бросятся перекрывать, может быть, даже выезды из города.

– Нет, – до этого не дойдет, – возразил Головастик, поминутно озирающийся назад. – Мусора ведь не при исполнении были.

– Они всегда при исполнении, – буркнул Баркас.

– Это точно, – согласился Руслан, тормозя возле безлюдной детской площадки. – А мне обратно на зону пока возвращаться неохота. Не нагулялся еще на свободе. Поэтому приняли вид независимый и за мной. Представьте, что мы к знакомой девахе в гости намылились.

– Деваха бы сейчас не помешала, – сказал Головастик. – Хотя бы одна на троих.

– На двоих, – осадил его Баркас. – Тебе рановато, братишка. У тебя еще даже усы не растут.

– Растут лучше, чем у некоторых!

Затеялась беззлобная словесная перепалка, но Руслан не стал одергивать друзей, решив, что так их компания будет смотреться даже естественней. Подойдя к двери выбранного подъезда, он посмотрел на клавиши кодового замка, пощелкал ими и сделал приглашающий жест:

– Милости прошу.

– Откуда ты код знаешь? – удивился Головастик, входя в темный, пованивающий мочой подъезд.

– Циферки, на которые чаще нажимают, совсем вытерты, – пояснил Руслан. – Осталось только определить, в каком порядке нажимать.

– Учись, студент, – хохотнул Баркас. – Дяди тебя плохому не научат.

– Сам ты студент, – оскорбился Головастик, с трудом закончивший восемь классов.

– Ах да, ты же у нас малолетка. Усы подрисовываешь, чтобы пиво отпускали.

– Я вот тебе сейчас самому усы пририсую. Красные!

– Ша! – прикрикнул Руслан, остановившийся на площадке третьего этажа. – Хорош шуметь. Какая-нибудь тетка ментов вызовет, и хана. Тут же областное управление в двух шагах.

– Нынешние менты по вызовам не ездят, – наставительно заявил Баркас. – У нас во дворе жмур целую ночь валялся, и хоть бы одна собака заинтересовалась. Хотя, – усмехнулся он, – собаки как раз интересовались. А менты только под утро прикатили.

– У нас тоже был случай... – оживился Головастик, но был остановлен властным жестом руки.

Прильнув к окну, Руслан некоторое время наблюдал за тем, что происходит на площади. Милицейская машина с синей мигалкой отъехала от черной «Мазды», возле которой остались стоять три мужские фигуры. Обладателя белых кроссовок среди них не наблюдалось. То ли с патрульными уехал, то ли еще куда делся. Почему-то Руслан был убежден, что этот крендель вернется. Может, выдастся возможность поучить его хорошим манерам. А то ведь подрезал первым, потом напал со своей шоблой, потом ментовку вызвал, а под конец и вовсе за ствол схватился.

– Того, кто за рулем японской тачки был, пока не видно, – тихо сказал Руслан. – Хочу подождать. Мой разговор с ним не закончен.

– Оставил бы ты его в покое, – посоветовал Баркас. – Сам знаешь, дерьмо лучше не трогать, а то развоняется.

– И правда, Руслан, – поддержал товарища Головастик. – Ну этих мусоров к лешему. Мы же оттянуться вроде собирались, а?

– Я никого не держу, – отрезал Руслан. – Хотите, уматывайте. Я остаюсь. Не привык обиды прощать.

Переглянувшись, друзья не стронулись с места.

– Я, в принципе, тоже на этих козлов зуб заимел, – пошел Головастик на попятный. – Я тоже останусь.

– Да и я никуда не тороплюсь, – загудел Баркас. – Вместе заварили кашу, вместе и расхлебаем.

Все это были правильные слова, но Руслан почувствовал, что в них много неискренности и фальши. Парни, которых он считал своими закадычными корешами, поддержали его неохотно. Это означало, что по-настоящему положиться на них нельзя. Случись что серьезное, так Головастик с Баркасом сразу отвалят в сторону. До конца они за Русланом не пойдут, завода не хватит. Вот и верь после этого в мужскую дружбу. Где ж ее искать? Может, и нет ее вовсе на свободе?

– Остаетесь, так остаетесь, – сухо произнес Руслан. – Я вас не гоню и не держу. Решайте сами.

– Да мы уже решили все, Руслан, – виновато сказал Головастик.

А Баркас, тот вообще поспешил сменить скользкую тему.

– Пить охота, просто умираю от жажды, – пожаловался он, утирая несуществующий пот со лба. – Сколько теперь здесь торчать придется?

Руслан продолжал смотреть в окно, из которого было отлично видно все, что происходит возле черной «Мазды».

– Сколько надо, столько и проторчим, – проворчал он.

– И то верно...

Баркас вставил в зубы сигарету и пытался прикурить ее от зажигалки, которая никак не хотела включаться. Вместо пламени из нее вырывались лишь маленькие искорки. Головастик достал из кармана коробок со спичками и бросил их товарищу, но коробок упал на пол. Баркас наклонился, чтобы поднять его и выругался:

– Тьфу, черт! Тут, кажется, помочился кто-то.

Он снова защелкал зажигалкой, и она наконец-то дала огонек. Баркас подкурил сигарету и осветил пол: все было усыпано окурками, а ближе к стене блестела лужа с намокшим спичечным коробком.

– Вот так натюрморт, – прокомментировал Головастик. – Н-да, не задался у нас вечерок. Вот тебе оттянулись.

– Все еще впереди, – обронил Руслан, не подозревая о том, что слова его окажутся пророческими.

3

Майор милиции Брюшин, явившийся в областное управление МВД в новехоньких белоснежных кроссовках, пожалел, что не обул что-нибудь попроще. Во-первых, он привлекал к себе повышенное внимание сотрудников, которых, несмотря на поздний час, в управлении хватало. Во-вторых, приметные кроссовки бросились в глаза полковнику Мохновскому, который даже привстал из-за письменного стола, чтобы видеть подчиненного от макушки до пят.

– Что за наряд? – недовольно спросил он, падая в кресло, жалобно пискнувшее под весом его массивного тела. – Ты с теннисного корта, что ли?

– Вы же сами посоветовали одеваться в штатское, чтобы не выделяться, – сказал Брюшин.

Ненужная и даже опасная реплика. Начальство не любит, когда ему напоминают его собственные слова. Оно усматривает в этом отсутствие уважения и вольнодумство.

– Одеться в штатское, не значит нарядиться клоуном, – гаркнул Мохновский. – Тебя в этих белых тапочках за версту видно. Слишком приметный и запоминающийся.

Брюшина подмывало ответить, что он находится не на оперативной работе, но он сдержался. Начальство любит возражения по существу еще меньше, чем напоминания. Оно прямо-таки бесится от подобных возражений. А гусей дразнить не надо. Они, гуси, и без того найдут повод ущипнуть за больное. Брюшину было очень обидно, что его приравнивали к клоуну. Он никогда не шутил, терпеть не мог анекдотов и смеялся так редко, что почти разучился это делать. Его брови сошлись у переносицы, на скулах проступили желваки, губы сузились.

Полковник Мохновский понял, что перегнул палку.

– Ладно, – сказал он, – я тебя не для того вызвал, майор, чтобы твой гардероб обсуждать. У меня, знаешь ли, дела поважнее. Час назад из администрации вернулся. Там обеспокоены.

– Чем? – спросил Брюшин, не отрывая глаз от носков своих кроссовок.

– Процентом раскрываемости преступлений, – ответил полковник. – С тяжкими еще туда-сюда, а вымогательства, ограбления, драки, они же годами висят без движения. В результате вместо премий вот. – Он скрутил внушительный кукиш. – В Администрации хотят результаты борьбы с организованной преступностью видеть, а где они, результаты?

– Будут, – пообещал Брюшин, как обещал всякий раз, когда полковник Мохновский начинал зудеть про организованную преступность.

Оба отлично знали, кто крышует все банды в городе, но при этом ужасно возмутились бы, если бы их назвали пособниками бандитов. Такое вот раздвоение сознания происходило у работников правоохранительных органов. Являясь на работу в управление, они свято верили, что занимаются защитой мирных граждан от преступности. Себя преступниками не считали ни полковник Мохновский, ни майор Брюшин, ни их подчиненные, ни те, кто исправно платил всей этой ораве зарплаты и пенсии. Обладая званиями, табельным оружием и служебными полномочиями, продажные милиционеры не боялись разоблачения, потому что олицетворяли собой тот самый закон, который попирали. Если они и боялись чего-то, так это прогневать начальство, не отправив вовремя дань наверх. Плюс к этому приходилось кое-как расследовать и предотвращать некоторые преступления, создавая видимость правопорядка.

– Будут, будут, – передразнил Мохновский, косясь на раздражающие его кроссовки. – Хватит кормить меня обещаниями, майор. Результаты нужны. Конкретные.

– Завтра возьмем кого-нибудь, – пообещал Брюшин.

– Кого именно?

– Да хотя бы команду Айболита. Совсем оборзели. Третий месяц не платят.

– Так загреби, загреби их! – Мохновский провел ладонью в воздухе, сжал ее в кулак, а потом шархнул этим кулаком по столу.

– Есть, – откликнулся Брюшин.

– Есть на жопе шерсть, – пошутил полковник, после чего посерьезнел, подался вперед и поманил подчиненного к себе. – Только вот что, – пророкотал он, когда Брюшин приблизился к столу и уперся в него обеими кулаками, наклонив голову, – показания Айболита этого нам ни к чему. У меня такое предчувствие, что при задержании он окажет сопротивление, и его придется...

Не закончив предложение, полковник выставил указательный палец и дважды издал характерный звук: «пф-ф, пф-ф!»

– Я тоже так думаю, – улыбнулся Брюшин. – Айболит, он же тип совершенно невменяемый.

– Пара его сообщников тоже может погибнуть во время операции. Тогда остальные не станут болтать попусту, а будут говорить только то, что нужно.

Подполковник милиции Мохновский не был человеком кровожадным. Несмотря на суровую профессию, он оставался по натуре человеком мирным, можно даже сказать, добродушным. Родившись на Украине, был он до глубины души человеком русским, а потому любил русскую баню, где его и без того красное лицо становилось прямо-таки пунцовым. Почти каждое воскресенье Мохновский и его друзья-товарищи азартно стегали друг друга березовыми вениками, а потом пили либо обжигающий чай со всевозможными вареньями, либо ледяную водку, закусывая ее традиционными хрустящими огурчиками.

Выращенные и собранные собственноручно огурцы были страстью и гордостью Мохновского. Ему нравилось ездить по выходным на дачу и трудиться на огороде до седьмого пота. На его грядках всходило до десяти разных сортов огурцов: Кибирия, Меренга, Артист – названия эти звучали сладостной музыкой для слуха полковника.

Поработав под палящим солнцем, он спешил искупаться в пахнущем тиной пруду, а затем надевал чистую рубашку и усаживался за стол, накрытый под навесом из дикого винограда. Зудели комары, вилась мошкара вокруг лампочки, свисающей с рыжего витого шнура. Мохновский обожал эти моменты полного покоя и домашнего уюта, ему нравилось наблюдать, как суется жена, расставляя на столе закуски и улыбаясь ему многообещающе и вместе с тем застенчиво. Примериваясь взглядом к ее ладной, крепко сбитой фигуре, Мохновский думал, что знает, в чем состоит счастье и смысл человеческой жизни.

Айболита и его людей он за людей не считал, хотя в общем-то они занимались одним и тем же делом. Подтверждением тому мог послужить дальнейший диалог, состоявшийся в кабинете полковника Мохновского.

– А теперь о главном, – значительно произнес он, когда майор Брюшин подтвердил, что лишних свидетелей брать не намерен. – Что-то в последнее время ты приносить стал меньше. Сперва на тысячу баксов в неделю, потом на полторы. Ты же понимаешь, что туда... – Мохновский ткнул пальцем вверх, подразумевая отнюдь не потолок, – ...что туда я меньше отправлять не могу. Следовательно, разницу мне приходится возмещать из собственного кармана. Это непорядок.

– Так я же не себе эти деньги беру, – принялся оправдываться Брюшин, преувеличенно округляя глаза и так же преувеличенно хлопая ими. – Я ребятам плачу.

– Каким таким ребятам? – вкрадчиво осведомился Мохновский.

– Операм своим. За сопровождение. Чтобы коммерсанты без провололочек за крышу платили и на всякий пожарный случай. Ну, если нападет кто.

– Кто ж на офицера милиции при исполнении обязанностей нападет? Разве что псих, но это тоже маловероятно.

– Все-таки с бригадой как-то солиднее, – не сдавался Брюшин.

– Солиднее, – сказал Мохновский, откинувшись на спинку кресла. – Согласен. Но за солидность ты, майор, из собственного кармана плати. Если собственного авторитета не хватает.

– Почему не хватает? Хватает.

– Тогда не таскай оперативников с собой зря. Пусть отдыхают по вечерам, чтобы с утра преступников ловить. Вот и повысится раскрываемость. А то запустил ты оперативно-следственные мероприятия, ох, запустил.

– Исправлюсь, товарищ полковник, – хмуро произнес Брюшин.

– Вот-вот, исправляйся, молодец, – покивал Мохновский. – И про должок не забудь.

– Какой должок, товарищ полковник?

– Тот самый, майор. Я твою свиту содержать не подряжался. И те, кто надо мной, – Мохновский снова ткнул пальцем в потолок, – тоже. Так что денежки возвращать придется. Всего три с половиной штуки с тебя, майор. Плюс полторы штуки штрафа.

– За что? – с отчаянием выкрикнул Брюшин.

– А за инициативу, – был ответ. – Которая, как известно, наказуема.

– Но, товарищ полковник...

– Не ной, майор, не ной. – Полковничья длань шмякнулась на крышку письменного стола. – Иди исправляй свои ошибки, а то тебя самого исправлять придется. Я ясно выражаюсь?

Насупившись, Брюшин буркнул:

– Предельно ясно, товарищ полковник.

– Так не торчи тут, как тополь на Плющихе, а действуй, действуй, – воскликнул Мохновский, помогая себе отстраняющими взмахами рук.

– В смысле, точки объезжать? – уточнил Брюшин.

– Да хоть на вертолете их облетай.

Более конкретного ответа майор Брюшин не дождался. У полковника Мохновского внезапно нашлось много неотложных дел, он придвинул к себе ноутбук, пощелкал «мышкой», потом принялся рыться в бумагах, открыл и закрыл выдвижной ящик стола.

– Ты еще здесь, майор? – удивленно спросил он, не обнаружив там ничего интересного.

– Уже нет, – отчеканил Брюшин и удалился.

Четкого, недвусмысленного приказа он не получил, но давно приучился понимать начальство с полуслова, с маловразумительного, туманного намека. А еще он окончательно усвоил, что инициатива еще как наказуема. В тех случаях, когда исходит снизу, а не сверху.

Настроение у него было не просто скверное, а гораздо хуже. Мысль о том, что придется расстаться с пятью тысячами долларов терзала его, как палач, засевший внутри черепной коробки. И избавиться от него можно было только одним способом. Не то, чтобы дедовским, но проверенным и надежным.

Глава вторая

1

Приближаясь к «Мазде», майор Брюшин смотрел на своих подчиненных и думал о том, как же он их все-таки ненавидит.

Старший лейтенант Кирпичников был непроходимым тупицей, до сих пор не научившийся распечатывать протоколы на компьютере. Тем не менее, все свободное время он не отрывался от монитора, зачарованно разглядывая фотографии голых девок на природе, в постели или в обществе таких же голых дебилов. Женщины у Кирпичникова отродясь не водилось, поэтому было нетрудно догадаться, каким образом он дает выход своему воспаленному воображению, когда остается один.

Лейтенанту Лукашину кто-то сказал, что он похож на какого-то американского героя, поэтому он не снимал черные очки ни днем, ни ночью, вне зависимости от времени суток и года. Поговаривали, что этого придурка можно увидеть в солнцезащитных очках даже в лютые морозы. Во время драки с лихими седоками «Ситроена», Лукашин лишился своих «стеклышек» и теперь казался растерянным и печальным. Неизменная зубочистка во рту не спасала положения. Без очков лейтенант лишился своего крутого имиджа и чувствовал себя не в своей тарелке.

А младший лейтенант Щекочихин походил на упыря из-за разбитого в кровь рта и перепачканной физиономии. Вместо того, чтобы пожалеть его, Брюшин подумал, что с удовольствием наподдал бы этому слизняку еще. В свои двадцать два года Щекочихин был хилым и бледным, как поганка, но несмотря на это курил сигарету за сигаретой и понятия не имел, где находится спортивный зал областного управления МВД.

Подойдя к своим горе-подчиненным вплотную, майор Брюшин обвел их взглядом, не сулящим ничего хорошего, после чего сказал:

– Вы меня разочаровали, парни. Очень разочаровали. Я вас для чего с собой вожу? Чтобы мы вместе представляли силу. Но вы проявили себя слабаками. И я не намерен платить вам больше. Хватит с вас официальной зарплаты.

– Товарищ майор, – заныл Лукашин, я ж квартиру в кредит взял. – На одну зарплату никак не прожить.

– А ты раскрываемость повышай, – посоветовал ему Брюшин. – Глядишь, премию выпишут, часами серебряными наградят. Серебро сейчас в скупке сколько стоит?

– А что, отличившихся правда серебряными часами награждают? – спросил глупый Кирпичников.

– А как же, – ответил ему Брюшин. – Еще и баб надувных дают в придачу.

Младший лейтенант Щекочихин заржал, но тут же умолк, пробуя языком разбитую губу.

– Больно, – пожаловался он. – И два зуба шатаются.

– Передние? – спросил Лукашин.

– Ну не задние же!

– Задних зубов не бывает, – авторитетно заявил Кирпичников.

Брюшина подмывало обозвать их всех болванами, но он сдержался. Ведь без подчиненных на работе он был как без рук, так что ссориться с тремя лейтенантами не было резона. А вот отшить их, чтобы больше с ними не делиться, следовало прямо сейчас. Майор Брюшин даже подумал, что белый «Ситроен» сам Бог послал, потому что неудачная потасовка стала прекрасным поводом избавиться от прихлебателей. Вернуть уплаченные им деньги нечего было и надеяться, поэтому финансовый вопрос майор обошел стороной. Велел Лукашину, Щекочихину

чихину и Кирпичникову отправляться по домам своим ходом, да утром на службу не опаздывать, сплюнул и стал ждать, когда они, наконец, скроются с глаз. Как только это произошло, он забрался в машину, захлопнул дверцу и поднял тонированные стекла. Скрытый от посторонних взоров, он извлек из тайника шприц, ампулу и резиновый бинт.

Вот уже два месяца майор Брюшин плотно сидел на героине. Произошло это после ареста наркодиллера и конфискации у него трех килограммов товара. Этого должно было хватить надолго, а насколько хватит его самого, Брюшин, как все наркоманы, старался не задумываться.

Вонзив иглу в набухшую вену руки, он издал почти сладострастный стон и обмяк на водительском сиденье. Прежде чем отправиться дальше, следовало расслабиться хорошенько.

Улыбаясь, майор Брюшин зажмурился. Была ночь, а ему казалось, что сквозь сомкнутые веки пробиваются теплые солнечные лучи.

2

Баркас погасил очередную сигарету о подошву ботинка, поколебался, потом бросил ее на пол.

– Все равно свинарник, – сказал он, оправдываясь.

– Теперь будет свинарник в квадрате, – поддел его Руслан.

– Я не виноват, что в подъездах урны не ставят, – огрызнулся Баркас. – Долго мы еще тут торчать будем?

– Сколько нужно, столько и будем. Легавые по-прежнему своего шефа возле тачки ждут. Значит, вернется.

– Твари они, – заявил Головастик, щупая содранную кожу на скуле. – Они мне за все ответят. И за сегодняшний вечер, и за моего брата.

– А кто твой брат? – спросил Руслан, не забывая поглядывать сквозь стекло на расстилающуюся внизу площадь.

– Его мусора ни за что взяли, – стал рассказывать Головастик. – Просто так, на улице. Привели в кабинет, наезжать стали. Бери на себя мокруху, говорят, а не то мы тебя калеккой сделаем и в пресс-хату бросим. У них деваху какую-то изнасиловали и убили, вот они и нашли стрелочника.

– Братуху твоего? – уточнил Баркас, прикуривая новую сигарету.

– Ну да, – подтвердил Головастик. – Короче, отметили Сашку до полусмерти и наряд вызвали, чтобы в КПЗ везти. А он в окно. Башкой стекло вышиб и с третьего этажа на асфальт. Схоронили.

– Откуда же ты узнал, что его прессовали? – спросил нахмурившийся Руслан.

– Так Сашка только на третий день помер.

– В тюремной больничке?

– В обычной, – ответил Головастик. – Мусора перетрухали, обвинения с Сашки сняли, сами белыми и пушистыми прикинулись. Но он мне перед смертью все рассказал. Я тогда пацанчиком еще был, но каждое слово помню. – Головастик ткнул себя пальцем в грудь. – Здесь они. Как занозы острые.

Да, такое не забывается, подумал Руслан. Перед его мысленным взором пронеслись картинки из не такого уж далекого прошлого...

3

Во время отсидки он много слышал о пресс-хатах, но рассказы воспринимались им, скорее, как страшные байки или легенды. Он не подозревал, что сам пройдет через это. Следом, недовольный неразговорчивостью Руслана, как-то намекнул, что знает способ развязывать самые упрямые языки, но тогда это воспринималось, как блеф. До того самого дня, когда в камеру СИЗО заглянул надзиратель, поманил его пальцем и окликнул:

– На выход, с вещами.

Вещей у Руслана, фактически, не было. Спрыгнув со шконки, он свернул матрас и, провожаемый любопытными взглядами, вышел из «хаты» в коридор, гадая, куда его ведут.

– Вниз, – покрикивал на него надзиратель. – Голову опустить, по сторонам не смотреть.

– Куда идем-то, начальник?

– Скоро узнаешь.

На первом этаже Руслана обыскали, велели ему оставить постель и повели вниз по лестнице. Он насторожился. Что за дела?

– Меня в ШИЗО определили? – спросил он у конвоира.

– Хуже, – был ответ.

Пресс-хата, понял Руслан и похолодел. Он не знал, что делать. У него даже бритвы не было, чтобы полоснуть себя по венам, как учили бывалые зэки. Оставалось полагаться на собственные силы. Но хватит ли их?

– Стоять! – скомандовал конвоир в темном загоулке с одной-единственной дверью под номером одиннадцать. – Руки за голову, лицом к стене.

Заскрежетал отпираемый замок. В ноздри ударил запах анаши и домашней жратвы.

Переступив порог, Руслан застыл на месте, озираясь. Камера, в которую его привели, вмещала пару двухъярусных коек и одну одноярусную. Принадлежала она местному пахану – толстогубому амбалу в черном спортивном костюме. Увидев Руслана, он перебрался за стол, за которым уже сидели четверо сокамерников – бородатый кавказец, белокрысы детина с заячьими зубами, какой-то урод с волосатыми лапищами гориллы и квадратный толстяк, круглый череп которого лоснился в электрическом свете. Все пятеро, не обращая внимания на Руслана, принялись за еду, разложенную на столе. Перед каждым стоял стакан с водкой и лежал белый батон.

«На таких харчах немудрено ряшки отъесть, – подумал Руслан, прикидывая, сколько на столе консервов и сладостей. – Настоящие мордороты. Кавказец еще тот волчара, у Кинг-Конга руки толщиной с ноги, да и остальные как на подбор. Но пасовать нельзя. иначе хана».

– Привет честной компании, – сказал он, сделав пару шагов вперед.

Зэк, которого он мысленно окрестил Толстяком, поднял на него круглые черные глаза.

– Кто здесь честный, а кто нет, еще не ясно, – прожевал он вместе с ломтем вареной колбасы.

– Если мы честные, то ты какой? – подхватил Заяц.

– Такой. – Руслан сделал еще два шага вперед. – Я Руслан из пятидесят второй. – Он обвел взглядом присутствующих. – Кто рулит в хате?

Все посмотрели на пахана в черном спортивном костюме, но он не представился, а принялся намазывать маслом кусок булки.

– Тебя зачем к нам определили? – поинтересовался Кинг-Конг с нескрываемой угрозой. – Подсадной?

– Обоснуй, если так считаешь, – сказал Руслан.

– Грамотный, – ухмыльнулся Толстяк.

Как ни странно, его действительно звали почти так, как заочно окрестил его Руслан.

– А ну, Толстый, пригласи гостя к нашему «дубку», – велел пахан в спортивном костюме.
– Милости просим. – Толстый встал, подошел к Руслану и отвесил шутовской поклон, после чего осведомился: – Курево есть?

– Есть, – ответил Руслан, обошел толстяка, как некий неодушевленный предмет, и остановился напротив пахана. – Меня пригласили, я пришел, – произнес он.

– На рассвете казненный пришел, головы он своей не нашел, – дурашливо продекламировал Заяц.

– Падай, – предложил пахан, указывая взглядом на свободное место.

Руслан подчинился. Вернувшийся к столу Толстый поднес ко рту банку сгущенки и с аппетитом зачавкал. Руслану никто не предложил даже хлеба, что было верхом бестактности.

– Ты кто по жизни? – спросил пахан, мерно пережевывая бутерброд. – Откуда?

Руслан назвал масть, фамилию и статью. А затем напрягся, услышав вопрос, заданный подчеркнуто равнодушным тоном:

– Почему на допросах в молчанку играешь?

– Что же мне, песни петь? – парировал Руслан.

– А ты певец? – засопел придвинувшийся Толстый. – Оперу любишь?

– Оперу оперативники любят. Я шансон предпочитаю.

– Ты не соскальзывай с базара, – предупредил Заяц, подвигая к себе объемистую синюю кружку с облупившейся эмалью. – Тебя по-хорошему спрашивают, почему в несознанку играешь?

– Об этом, – сказал Руслан, – пусть меня следак спросит, я ему отвечу.

– А мы тебя и так спрашиваем, – подключился Кинг-Конг. – От его имени.

«Да, это пресс-хата, стопроцентно!» – пронеслось в мозгу Руслана, когда он увидел, что Заяц, как бы невзначай, запикивает в кружку кулак, готовясь перейти от разговоров к делу, за которое его кормили булками и разрешали курить анашу в камере.

– А что, ты здесь вопросы задаешь? – дерзко спросил Руслан у гориллоподобного Кинг-Конга.

– Допустим, я, – вмешался пахан.

– Так ты или следак?

– Заколебал он своим базаром! – Толстый щелкнул пальцами. – Пора ему язык укоротить.

– погоди, – поморщился пахан. – Руслан все понял. На следующем допросе он все, что нужно, подпишет. Зачем же его ломать? Жалко дурика неопытного. Дадим ему шанс, братва?

– Дадим, – загудели сокамерники. – Шанс – не доля, не аванс.

Заяц приподнял кружку и принялся вытаскивать из нее кулак.

– Что за шанс? – любопытствовал Руслан, слегка откидываясь назад.

– А ты не понял? – изумился Кавказец.

– Не въехал до сих пор? – выпучил глаза Кинг-Конг.

– Это «пресс-хата», – заговорил пахан, усмехаясь. – Тут так опускают, что уже не податься. Но для тебя сделаем исключение. Давай слово, что станешь сотрудничать со следствием и, так и быть, ломись из хаты.

– Ломиться, значит? – переспросил Руслан.

– Ага, – кивнул Толстый. – Барабань в дверь, зови попкарей на помощь.

– Вопи, что, мол, на толстую кишку твою покушаются, – хохотнул Заяц.

– Тебя мигом выпустят, – пообещал Кавказец. – Тут попкари дрессированные.

– Как же потом на меня правильные пацаны смотреть станут? – осведомился Руслан.

– Да уж лучше, чем на петю-петушка, – захихикал Толстый.

Он еще весело скалился, когда костистый локоть Руслана врезался ему в плешивый висок.

– С-сука! – простонал Толстый, заваливаясь на бок.

Все ссученные эски, включая пахана, повскакивали на ноги. Заяц замахнулся своим эмалированным кастетом. Готовый к этому, Руслан отпрыгнул. Заяц, потерявший равновесие при ударе в пустоту, рухнул животом поперек лавки. На пол со звоном посыпалась посуда. Кавказец и Кинг-Конг бросились вперед, мешая друг другу.

Первого Руслан встретил коротким ударом в подбородок, второго хлестнул пальцами по глазам, развернул и толкнул на подоспевшего толстяка. Затем, не позволяя себя окружить, он запрыгнул на широкий стол, достал ногой голову Зайца и взялся за пахана.

– Попишу! – рявкнул тот, но нож достать не успел, потому что кулаки Руслана поочередно врезались в его печень.

Сложившись пополам, пахан надолго потерял интерес к происходящему.

Интуитивно почувствовавший опасность, Руслан отпрянул в сторону. На то место, где он только что стоял, обрушился табурет. Промазав, Толстый недоуменно захлопал глазами, но изумление его длилось недолго. Руслан боднул его в нос и вновь сменил позицию, уклоняясь от беспорядочных ударов Зайца, Кавказца и Кинг-Конга.

Пользуясь смятением в рядах противника, он перешел в атаку.

Легче всех отделался Заяц, рухнувший в зазор между койками. Кавказцу Руслан вышиб парочку передних зубов, а потом еще и приложил его шиноматом об стену. За это время Кинг-Конг пару раз достал его кулачищем в корпус, но это были суетливые, не опасные удары. Руслан показал ему, как надо бить. Когда Кинг-Конг повалился на пол, его физиономия представляла собой кровавую маску.

Оставив его в покое, Руслан шагнул к пахану и отделал его, как Бог – черепаху. Потом опять взялся за тех, кто еще стоял на ногах. Уронив Кавказца лицом вниз, он схватил Зайца пальцами за верхнюю губу, потянул на себя и подвел к двери.

– Стучи, – жестко предложил он. – Насколько я помню, тут кто-то выламываться из хаты предлагал. Ну так выламывайтесь, козлы.

– Ты кого это козлами назвал? – надумал возмутиться Толстый.

– Вас! А это, чтобы запомнилось лучше... На!

– У-у-у!!!

Получивший по ушам Толстый тоненько завыл, пряча голову в ладонях. Руслан снова двинул кулаком. Распрямившийся, наконец, пахан перелетел через стол и приземлился на развалившийся под его тяжестью табурет.

– Стучи, – повторил Руслан, целясь взглядом в ноющего Зайца.

Тот беспрекословно подчинился.

– Все? – проскулил он, когда его распухшая губа выскользнула из разжавшихся пальцев.

– Нет, – отрезал Руслан. – Кричи теперь. На помощь зови, мол, убивают. Только как можно громче и как можно быстрее кричи. Потому что я ведь и в самом деле пришибу насмерть. Или ты сомневаешься?

Заяц поверил ему сразу.

– Конвой! – завопил он. – У нас тут псих завелся! Вскрывайте хату!

«А ведь я тогда действительно повел себя, как полный псих, – подумал Руслан, живо вспомнивший свое знакомство с ментовской пресс-хатой. – В обычном состоянии разве попрешь буром на пятерых? А я не только попер, я еще и сломал их. Позора боялся больше смерти, поэтому убить меня можно было, а победить – нет. Те урки ссученные почуяли это, вот и облажались. Я не физически оказался сильнее, а морально. – Руслан покосился на друзей. – Получилось бы у них, окажись они на моем месте? Вряд ли. Головастик, он точно не потянет. Ментов, небось, как черт ладана боится. Покойный братец его здорово напугал. Допрос третьей степени, пресс-хата... Если запахнет жареным, Головастик моментально соскочит и ляжет на дно. Но судить его не мне. И переделывать тоже. Каждый сам делает свой выбор и отвечает только за себя самого...»

– Жалко парня, – вздохнул Баркас, пуская дым. – Но он поступил правильно. Потому что ментовская пресс-хата – это кранты. Или вскрывайся на пороге, или опустят, без вариантов.

– Что значит «вскрывайся»? – нервно спросил Головастик.

– Вены режь мойкой... бритвой то есть, – пояснил Руслан. – Или стеклом, если сумеешь. Еще можно сигаретный фильтр острым сделать, как нож. Для этого его сплющиваешь, поджигаешь и режешь. А если ничего подходящего под рукой не окажется, как у меня в свое время, то...

Не договорив, Руслан приник к грязному стеклу, явно потрясенный тем, что открылось его взору.

– Что там? Что ты увидел? – заволновались товарищи, выглядывая из-за его спины.

– Вон тот хрен в белых тапочках, видите? – Руслан указал пальцем на Брюшина, беседующего с подчиненными. – Кажется, он их распускает... Ну да, точно. По коням! Нужно потопрапливаться, чтобы не упустить гада!

Оглашая темный подъезд дробным топотом, друзья устремились вниз.

Глава третья

1

Майор Брюшин не заметил, когда и где за его черной «Маздой» увязался белый «Ситроен» со знакомыми номерами. На то имелось целых три причины. Во-первых, Брюшин был спокоен и беспечен, потому что находился на своей территории, где ему никогда и ничего не угрожало. Во-вторых, он даже подумать не мог, что отморозки, удравшие с места драки, отважатся следить за ним, майором милиции. В-третьих, сказывалось действие героина, растекающегося по жилам.

Сознание Брюшина изменилось. Его состояние сделалось сонным и вялым, но вместе с тем каким-то утонченным и возвышенным. Его словно бы куда-то засасывало, куда-то уносило, обволакивая умиротворением. Горечь, появившаяся во рту и носу после укола, бесследно прошла. Голова существовала как бы сама по себе, отдельно от тяжелого тела. Она плыла в незримом потоке, с наслаждением затягиваясь сигаретным дымом и выпуская его наружу. Конечно же эту голову абсолютно не волновало присутствие «Ситроена», неотвязно следующего за «Маздой».

– Хорошо, – произнесла она, с удовольствием прислушиваясь к звучанию своего голоса. – Отходняк начнется только через четыре часа, но в это время я буду спать и видеть красивые, красочные сны. Хорошо-о-о!

Беседа с собственной головой не мешала Брюшину вести машину по ночным улицам. Подъезжая к очередной точке, он со спокойным достоинством выбирался из «Мазды», заходил внутрь увеселительного заведения и забирал там оставленные деньги. Пересчитывать их не получалось, поэтому Брюшин даже не пытался, а строго предупреждал:

– Если бухгалтерия обнаружит недостачу, пеняй на себя!

Его заверяли, что все в порядке, он важно кивал и отправлялся дальше. Ему было хорошо, особенно, если не думать о том, что ожидает его в ближайшем будущем, когда исчезнет эффект толчка и волшебного обволакивания после укола. Знающие люди рассказывали, что «приход» постепенно прекратится, и потом его не вернуть никакими дозами. Героин будет нужен уже не для кайфа, а исключительно для избавления от мучительных ломок. Вены превратятся в сплошные дырявые «дороги» с незаживающими дырками. Начнутся недельные запоры, боль в почках будет сводить с ума, пропадет аппетит, ноги станут подгибаться при ходьбе.

Но пока наркоман не испытывает угрожающих симптомов, он наивно верит, что у него все будет не как у других. Верил и майор Брюшин, вернее, запрещал себе задумываться над тем, что ждет его завтра, послезавтра и послепослезавтра.

Остановившись на безлюдной аллее, он сделал себе еще один укол, подождал, пока нахлынет новая волна эйфории и пересчитал деньги. Получалось много, но сколько именно, сразу вылетело из головы. Тогда майор выкурил сигарету, расслабленно откинув голову назад, и решил, что обойдет еще три точки. Ближе всего находилась сауна «Нега». Подкатив к ней, Брюшин выбрался из машины, вошел внутрь и не смог сдержать улыбку от нахлынувшего на него счастья. Источником этого счастья служил обыкновенный электрический свет.

– Хорошо тут у вас, – похвалил Брюшин охранника, исполняющего обязанности привратника. – Тепло, светло и мухи не кусают.

– Вы к кому? – набычился охранник.

– Я? – удивился Брюшин.

Изумление его было настолько сильным, что добрых полминуты он не знал, как поступить. Хорошее настроение резко сменилось просто отвратительным, окутавшим душу, как черный дым. Чтобы дать выход этому дыму, Брюшин схватил со стола монитор, поднял и с размаху опустил на голову охранника.

– Я – твое начальство, – сказал он, беря увесистый горшок с какими-то экзотическими цветочками. – Меня надо знать в лицо.

Охранник как раз начал подниматься со стула, когда горшок обрушился на его макушку. Издав невнятный икающий звук, он опустил на место. Обсыпанный мокрой землей и осколками, он понравился Брюшину несравненно больше, чем в тот момент, когда задал свой идиотский вопрос.

– Ты прямо как новогодняя елка, – сказал Брюшин, хотя, по правде говоря, охранник не имел ничего общего с новогодней елкой. – С наступающим тебя!

– Ну, сука, – прорычал охранник, – сейчас я тебя урою!

Он опять приподнялся и опять сел, увидев направленный на него пистолет.

– Могу тебя застрелить, – сказал ему Брюшин, слегка поводя стволом. – Легко. Прямо сейчас.

– Нет. – Охранник помотал головой, из которой уже начала сочиться кровь. – Не надо. Я сделаю все, что вы скажете.

– И отсосешь у меня?

Брюшин вопросительно поднял брови. Охранник ничего не ответил, только шумно сглотнул. Глаза у него были большие и тоскливые, как у коровы, которую привели на убой.

– Что ж, – сказал Брюшин, – молчание – знак согласия. Но я просто пошутил, расслабься. Меня не привлекают мужчины, даже такие губошлепы, как ты. Процедура отменяется. Ты рад?

Охранник несколько раз кивнул, так энергично и истово, что из его ноздрей и ушей потекла кровь.

– Отлично, – сказал Брюшин. – Тогда ступай за деньгами.

– За... ка... ка...?

Ничего более членораздельного он выговорить не смог.

– Ты не знаешь, кому, когда и сколько платит твой хозяин? Плохо, очень плохо. Ты сильно меня разочаровал.

Брюшин поискал глазами подходящий тяжелый предмет, но новая экзекуция не потребовалась.

– Знаю! – воскликнул охранник. – Я понял! Там вам оставили!

Он показал пальцем куда-то вниз.

– Тогда сбегай и принеси, – попросил Брюшин. – Только не заставляй меня долго ждать, ладно?

Он не стал объяснять, что ему вдруг приспичило вмазаться еще. Он просто пошевелил указательным и средним пальцами, изображая ноги бегущего человека. А потом вздохнул, ощущая неимоверную усталость.

«Наша служба и опасна, и трудна, – звучало в голове сурово и торжественно, – и на первый взгляд как будто не видна...»

Открыв глаза, Брюшин увидел чью-то протянутую руку с пухлым конвертом. Взяв конверт, он механически повернулся на пятках и покинул сауну.

Было далеко за полночь.

2

Сделав очередную остановку на Пролетарской улице, Брюшин направился к черному входу в ночной клуб «Зодиак». Его большие белые кроссовки были заметны даже в темноте. В сочетании с джинсами и короткой кожанкой они делали его образ похожим на рэкетира конца 90-х.

– Это уже двенадцатое заведение за ночь, – констатировал Головастик, наблюдая из машины, как Брюшин колотит кулаком в дверь.

– И ни в одном больше, чем на десять минут не задержался. – Баркас провел ладонью по выбритому затылку. – Чем они его не устраивают, хотел бы я знать?

Руслан, упираясь подбородком в руки, скрещенные на руле, лениво пояснил:

– Он их крышует, заведения эти, а не развлекаться в них ходит. Собирает дань для своей татаро-монгольской орды в погонах.

– Хорошо устроился, – злобно произнес Головастик. – Попробовал бы он без погон.

– Зачем без погон, когда с ними намного проще и безопаснее, – пожал плечами Руслан.

Под ночным клубом, в который вошел милиционер, отиралось шумная компания молодежи. Одного парня начало тошнить, и друзья потащили его как раз в тот угол, где была припаркована машина Руслана. До ушей друзей доносился мат, стоны блюющего и отрывки бесвязных разговоров. Кажется, обсуждали каких-то «телок», которые одновременно являлись также «биксами» и «мочалками». С ними поддатые парни намеревались завалиться то ли к «Митьку», то ли к «Витьку», и заочно распределяли, кому какая телка достанется. В обсуждении принимал участие даже тот парень, которого тошнило, подавая голос всякий раз, когда ему удавалось распрямиться.

Из клуба вышел Брюшин, равнодушно поглядел по сторонам, направился к «Мазде». Руслан повернул ключ в замке зажигания и снял «Ситроен» с ручного тормоза, готовясь тронуться с места, когда в окно заглянула крупная голова с оттопыренными ушами:

– Эй, ты, – обратилась голова к Руслану. – У тебя зачем черный кошак на капоте? Ты мне несчастье хочешь принести, га?

Руслан оценил взглядом расстояние от машины до того места, где стояли пошатывающиеся друзья лопоухого, заинтересованно поглядывая в их сторону.

– Твое главное несчастье – это ты сам, – сказал он, наблюдая за тем, как Брюшин садится в свою машину.

– Слышь, пацаны, тут какой-то клоун залупается, – обратился лопоухий к своей компании, стараясь открыть дверцу со стороны водителя. Баркас, сидевший сзади, успел заблокировать двери – свою и водительскую. Но тут перед капотом «Ситроена» выросли двое пьяных друзей лопоухого, один из них опирался о капот перепачканными какой-то липкой дрянью пятернями.

– Поехали, поехали! – заволновался Головастик, указывая на отъезжавшую машину Брюшина. – Уйдет ведь!

– Если мы уедем просто так, эти козлята решат, что они владыки вселенной, – процедил Руслан.

– Ну и хрен с ними, – рассудил Баркас. – Пусть покуражатся. У нас дело или как?

– А ну, открой! – проорали снаружи. – Открывай, чмо!

Чей-то кулак врезался в стекло.

– Дело подождет, – сказал Руслан. – Я быстро.

– Подсобить? – спросил Головастик, видя, что друг намеревается открыть дверцу.

– Отдыхайте. Я эту шелупонь сам разгоню.

Руслан и сам не мог бы объяснить, почему он решил обойтись без помощи друзей. Может быть, потому что понял, что они с ним лишь до определенной черты, которую не собирались перешагивать ни один, ни другой. Если так, то следовало рассчитывать лишь на себя самого. И на свои силы, которых, как полагал Руслан, у него хватало.

Его появление на сцене вызвало некоторый переполох среди пьяных юнцов, которые отпрянули в стороны. Но, подобно испугнутым рыбам или птицам, тут же устремились обратно. Судя по их боевым возгласам, они верили в легкую победу.

Чтобы не слишком разочаровывать их, Руслан несколько секунд забавлялся с ними, как с детьми. Не переходя в нападение, он лишь отбивал удары и толкал противников друг на друга, внося в их и без того нестройные ряды еще больше сумятицы.

Против Руслана работало не менее четырех пар кулаков одновременно, однако никто не мог поставить ему фингал под глазом, разбить нос или рассечь губу. Его руки и плечи обеспечивали ему надежную защиту, а то обстоятельство, что нападающих было несколько, лишь мешало им, а не помогало.

Бросив косой взгляд на удаляющиеся габаритные огни «Мазды», Руслан решил, что развлекаться дальше времени нет. Перейдя из глухой защиты в нападение, он умело заработал ногами и руками. Противники словно сами собой нарывались на свинги и хуки, выражая свое недовольство грязной руганью.

Какой-то хлюпик вздумал угрожать Руслану финкой, и тут же получил коленом в пах, перегнулся пополам и схлопотал ребром ладони по затылку. Потом настал черед остальных. Двое более или менее успешно прикрывали уязвимые места руками, а остальных Руслан просто калечил – расчетливо и умело. Ему, принимавшему участие в коварных и беспощадных тюремных драках, это не составляло труда. Не прошло и минуты, как пьяная шушера начала разбегаться и расползаться кто куда.

– И все дела, – сказал слегка запыхавшийся Руслан, возвращаясь за руль.

С этими словами он утопил педаль газа до упора в пол, а через пару минут «Ситроен» уже сидел на хвосте черной «Мазды», не успевшей уйти далеко.

– Мы так до утра за ним ездить будем, – недовольно пробурчал Головастик. – Не нравится мне все это. Катаемся, катаемся, а толку? Приключений на свою задницу ищем, что ли?

– Есть какие-то конкретные предложения? – спросил Руслан.

– Может, тормознем легавого прямо сейчас?

– Пусть сперва все бабки соберет. Нам же больше достанется. Есть возражения?

– Принято единогласно, – обронил Баркас, не спуская глаз с габаритных огней черной «Мазды».

3

Брюшин уже объехал все заведения, где ему должны были деньги за крышевание, и направлялся домой, когда заметил белую иномарку, неотвязно следующую за «Маздой». Не делая попыток оторваться, он стал вглядываться в отражение подозрительной машины.

«Ситроен»? Неужели тот самый, с пассажирами которых произошла потасовка? Может быть, это какая-то ошибка? Но нет, Брюшин четко запомнил номер автомобиля. Тогда, быть может, «Ситроен» появился случайно? Только последний идиот мог бы принять эту версию. Майор Брюшин был кем угодно, но только не идиотом. И преследование ему не мерещилось. Белый «Ситроен» был совершенно реален. Давно перевалило за полночь, дороги были пустынные, поэтому он бросался в глаза не хуже белых кроссовок Брюшина.

– И чего тебе надо? – пробормотал он, поглядывая в зеркало заднего обзора.

Ответа, естественно, не последовало. Впрочем, Брюшин его и не ждал. Надо отдать ему должное, он был человек не робкого десятка. Слежка не напугала его, тем более, что по вечерам майор пользовался пистолетом со стесанным номером, экспроприированным у одного залетного вора, покоившегося ныне на дне городского ставка. Личное оружие Брюшин берег исключительно для выполнения служебных заданий. Трофейный же «Макаров» уже не раз сослужил ему добрую службу в трудных ситуациях. Например, во время разборок с конкурентами.

Некоторые несознательные бандиты, забыв, сколько добрых услуг оказывали им милиционеры города, порой теряли нюх и пытались «отжать» ту или иную точку или подмять под себя чужой бизнес, но разговор с такими был короткий. Их отстреливали, как собак, или же садили за решетку, где расправа была не столь быстрой, но зато куда более жестокой. Майор Брюшин и его сослуживцы никогда не гнулись перед бандитами, даже самыми авторитетными. Они чувствовали себя хозяевами на своей земле и не собирались уступать город всякому уголовному отребью.

И уж тем более бегать от всякой приклатненной шантрапы.

Сделав несколько нехитрых маневров, Брюшин убедился на сто процентов в том, что его подозрения обоснованы. «Ситроен» продолжал преследование. Что ж, тем хуже для тех, кто в нем сидит. Кого они вздумали водить на коротком поводке? Офицера милиции? Ха-ха-ха!

На скорости сто километров в час «Мазда» промчалась по пустынному проспекту, резко свернула в одну подворотню, в другую, а потом неожиданно затормозила, вереща шинами. Еще не успел затихнуть в ночи этот пронзительный звук, как дверца автомобиля распахнулась и, выскочив наружу, Брюшин оперся на нее локтями обеих рук, обхвативших рукоятку пистолета, как это делают американские полисмены. Ствол был направлен в приближающуюся машину. «Сейчас водила ударит по тормозам и включит задний ход», – подумал Брюшин, не меняя угрожающей позы.

Так поступил бы он сам, находишься он за рулем «Ситроена». Но все люди реагируют в одинаковых ситуациях по-разному. Увидев перед собой косо стоящую «Мазду» и милиционера с пистолетом, Руслан нажал не на педаль тормоза, а на педаль газа.

– Держись! – крикнул он товарищам, упираясь руками в рулевое колесо.

Прыгнувший вперед «Ситроен» врезался в открытую дверцу «Мазды» и снес ее вместе с майором Брюшиным, как картонную декорацию. Удар был настолько силен, что шейные позвонки милиционера сломались. Его подбросило метра на два в высоту, откуда он рухнул на асфальт, дважды дернул ногой, лишившейся кроссовки, и затих в свете фар остановившегося «Ситроена».

– Готов, – прошептал Головастик, потрясенный драмой, разыгравшейся у него на глазах.

– Туда ему и дорога. – Баркас завертел головой, выглядывая наружу из разных окон автомобиля. – Поехали, поехали отсюда, пока никого нет.

– Сейчас, – произнес Руслан бесстрастным голосом.

Покинув «Ситроен» он подошел к мертвецу, наклонился и не без труда вырвал пистолет, стиснутый онемевшей рукой. Затем обшарил карманы убитого милиционера. Почти в каждом лежал конверт с деньгами. Собрав их в одну пачку, Руслан сунул ее за пазуху. Вернувшись за руль, он сунул пистолет за пояс, прикрыл рубахой и обронил:

– У нас крупный улов.

– В конвертах лавэ? – догадался Голововастик.

– Нет, письма любимой бабушке в деревню. Не задавай глупых вопросов. Ты же видел, как этот мусор дань собирал.

Произнеся эту короткую эпитафию покойному майору милиции, Руслан развернулся и поехал прочь. Раскаяния он не чувствовал, эмоций не испытывал. Оказалось, что убить человека не так трудно, как принято считать. Да и человеком ли был мусор, обиравший коммерсантов, которого он был обязан защищать?

4

Выбравшись за черту города, Руслан проехал несколько километров по объездной дороге, выбрал неприметный съезд в сторону и свернул туда. В глубине его души шла жестокая борьба, незаметная снаружи. Одна часть Руслана убеждала его, что делиться с друзьями нужно не всей суммой, а лишь половиной или даже третью, потому что основную работу выполнил он, тогда как Баркас с Головастиком вообще не горели желанием разбираться с обидчиком. Вторая половина сознания твердила, что дележ должен быть абсолютно честным, иначе Руслан разбогатеет, но потеряет нечто важное, составляющее его натуру.

Еще не зная, как он поступит, Руслан проехал вдоль лесополосы, потом мимо кукурузного поля. Увидев впереди редкие огоньки он остановился.

– Похоже, там дачный поселок, – произнес он хрипло. – Что, братва, может, прикупим себе земли, домишки и начнем редиску с картошкой выращивать?

Предложение было встречено довольно нервным смехом.

– Сколько там? – кивнул Баркас на пайту Руслана, под которой угадывались очертания спрятанных конвертов.

– Штук пять есть? – спросил Головастик, глаза которого азартно сверкали.

– Я не считал, – ответил Руслан как можно более равнодушно.

– Так посчитай! – заерзал Баркас.

– Тебе невтерпеж? Или боишься, что я с баблом смоюсь?

– Я такого не говорил.

– Так скажи, – жестко предложил Руслан.

– Хватит из меня снеговика лепить, в натуре, – буркнул Баркас, отвернувшись. – Я что? Я ничего. Мне, что ли, больше всех надо.

– Башли завтра поделим, – поддержал Головастик. – Сколько дашь, столько дашь, Руслан. Мы тебе доверяем, брат.

После этих слов устраивать какие-либо мутки сразу перехотелось. Руслан выгреб из-за пазухи добычу и передал ее на заднее сиденье Головастику.

– Дели поровну. На троих.

– Ага! Я мигом.

Оживившийся Головастик зашуршал купюрами. Баркас развернулся и просунул голову между спинками передних сидений, чтобы лучше видеть.

Руслан закурил, молча глядя в темноту. Ему не было жаль денег. Это был мусор, накипь на бульоне человечества. Деньги нужны лишь для того, чтобы проверять, кто чего стоит. Оценивать корешей Руслана не тянуло. Наверное, оттого, что он понимал: оценка эта будет невысокой. Уж слишком жадно блестели глаза Головастика, тасующего бумажки. Уж слишком внимательно наблюдал за его руками Баркас.

Чтобы отвлечься от невеселых мыслей, Руслан включил радио, настроился на шансон, услышал хриплый, проникновенный голос Сереги Холодного, который не то, чтобы пел, а говорил:

«Сегодня горек дым сигарет, и муторно глядеть на белый свет. Давно не веселит вино...»

– Потихе можно? – спросил голос Головастика за спиной.

– Нет, – отрезал Руслан.

А ровный, бесстрастный, почти равнодушный голос Холодного продолжал:

Займите, парни, на билет.

Я не был дома много лет.

Бог мой,

Я так хочу домой...

К гитарным аккордам подключился низкий, рокошующий бас, потом сухо вступили ударные. Руслан затянулся сигаретой и закрыл глаза, наслаждаясь то ли вкусом табачного дыма, то ли песней. Серега Холодный рассказывал ему про вокзал... про пустынный зал... про то, как лег в вагоне к стене лицом и стал вспоминать мать с отцом – «под стук колес, впервые в жизни протрезвев до слез...»

А что потом? – мысленно спросил Руслан. И услышал:

*От полустанка шагал пешком
То лесом, то лузжом, то бережом.
В душе
Я дома был уже.
Но у калитки теперь стою
И проклинать судьбу не устаю.
Свой дом
Я узнаю с трудом.*

По мере того, как в голосе певца все отчетливее звучали надрыв, боль и отчаяние, друзья Руслана притихли, обратившись в слух. Даже Баркас, потянувшийся к банке с пивом, решил вскрыть ее позже. Он был чужд поэзии, но где-то глубоко внутри него мерцала искорка, которая запросто могла оказаться душой.

Ну а дом, о котором шла речь в песне, был «глух, нем и слеп», он стал неживой «уже не дом, а склеп», и герой приближался к крыльцу, как к мертвецу. И тут Серега Холодный взял на октаву выше, срываясь на фальцет, такой же пронзительный, как вскрики и стоны соло-гитары.

*Кровавая пальцы, выдираю гвозди...
«Добро пожаловать, сыночек, в гости.
Ты не писал нам столько долгих-долгих лет.
А мы все ждали-ждали, не дождались,
А нам бы подождать еще хоть малость...
Сил не осталось, извини, нас нет».
Все как во сне. Усталость.*

Инструменты заиграли тише, голос Холодного вновь попытался зазвучать равнодушно, отстраненно, хотя это у него получалось плохо.

*Сковало сердце точно льдом.
Кому теперь он нужен, мертвый дом?
Все в нем
Гори теперь огнем!
Мне бы заплакать, только слез-то нет.
Отец и мать сквозь дым глядят мне вслед.
Они
Кричат мне «извини».*

Песня оборвалась так неожиданно, что некоторое время в «Ситроене» царил неловкое молчание. Потом снова раздалось шуршание бумажек. Руслан радио выключил, чтобы облегчить процесс подсчета денег.

– Ну? – спросил он, не оборачиваясь, когда ждать надоело. – Закончил?

– Пока закончил, чуть не кончил, – хохотнул Головастик.

– Заколебал своими шуточками! – прикрикнул на него Баркас, на лбу которого блестели бисерины пота. – Сколько там?

Последовала интригующая пауза. Если бы Головастику вздумалось затянуть ее хоть на секунду дольше, он наверняка довел бы нетерпеливого Баркаса до белого каления, но ему хватило сообразительности не перегибать палку.

– Шесть штук баксами, – торжественно провозгласил он, – и примерно столько же нашими деньгами, по курсу.

– То есть, – мгновенно прикинул Баркас, – по четыре штуки на рыло выходит.

– Ага, – подтвердил Головастик и, не в силах больше сдерживать рвущийся наружу восторг, завопил по-индейски: – Йахуууу!!!

– Тихо ты, – поморщился Руслан. – Всех собак в округе разбудишь. Денег никогда не видел?

– Видел. В кино, например. Но столько в руках еще не держал.

– Ты дели, дели, – поторопил его Баркас, суя в рот сигарету.

– Переверни, – сказал ему Руслан.

– А?

– Сигарету, говорю, переверни другой стороной. Ты фильтром собрался прикуривать.

– И правда. – Баркас издал короткий смешок, похожий на кашель.

Когда, обхватив губами сигаретный фильтр, он прикуривал от автомобильной зажигалки, его рука заметно дрожала. Руслан обернулся назад. Шелестящий деньгами Головастик беспрестанно облизывал губы, пальцы его слушались плохо, он то и дело сбивался, а потом начинал лежать сначала.

Руслан сел прямо, глядя прямо перед собой невидящим взглядом. «Нет, – горько подумал он, – этих двоих нельзя брать на дело. Слишком неровно на лавэ дышат. Придется искать других поделщиков или действовать в одиночку. Но и бросать пацанов нельзя. Пропадут ведь. Нажрут на радостях, или просто так кому-то проболтаются. Жадность, она как ржавчина. Одно пятнышко всю душу разъедает.»

– Что думаете делать? – спросил он, забирая свою долю, протянутую хихикающим Головастиком.

– Наверное, по домам пора? – предложил Баркас.

– А я бы оттянулся, – мечтательно протянул Головастик. – На всю катушку.

– Нет, – отрезал Руслан.

В повисшей тишине было слышно, как бурчит в животе у Баркаса.

– Что тогда? – спросил он. – Жрать охота.

– Пожрешь, – пообещал Руслан. – Но не дома. И не в городе.

– Это почему? – не понял Головастик.

– Да, – поддержал его Баркас. – Разъясни.

Руслан вздохнул, как человек, вынужденный втолковывать прописные истины непроходимым тупицам.

– Мы мента завалили? – спросил он и ответил себе сам: – Завалили. Искать нас будут? Не просто искать, а землю рыть. Номера тачки засветились? Многократно. Вывод? – Руслан поочередно посмотрел на Баркаса, потом на Головастика. – Вывод такой, что из города сматываться надо. Не заходя домой, где уже может засада находиться. Согласны?

Друзья переглянулись и кивнули, но Головастик не преминул вставить:

– Согласны-то согласны, но мента...

Не договорив, он замялся.

– Хочешь сказать, что мента я завалил? – спросил Руслан. – Пусть так, хотя для суда вы все равно сообщники. Есть шанс покаяться. Тогда оформят явку с повинной, глядишь, и отпустят.

– За кого ты нас принимаешь? – высказался Баркас за себя и притихшего головастика.

– Я принимаю только аспирин, когда башка болит, – произнес Руслан. – А вам излагаю варианты вашей дальнейшей судьбы, если вы зависнете в городе. Или самим идти в ментовку, или за вами приедут. Третьего не дано.

– Не, мы лучше в бега подадимся, – решил Головастик, осознав всю серьезность их положения. – Предкам по телефону скажем, что в Крым намылились.

– Лучше в Турцию, – вставил Баркас.

– Почему в Турцию?

– Чтобы на связь не выходить, балда. Если мобильником пользоваться, сразу засекут и вычислят местонахождение.

– Соображаешь, – похвалил Баркаса Руслан. – Мобилы эти закопаем, а завтра новые купим. Тачку мою спалим или в ставке утопим.

– Охренел? – воскликнул Головастик. – Ее выставить за полцены – сразу улетит, со свистом.

– И продавец улетит со свистом, – сказал Руслан. – В места не столь отдаленные, как пишут в книжках. Жадность фраера сгубила, слышал?

– Слышал...

– Ну вот и не забывай.

– Куда же мы двинем? – спросил Баркас, на лбу которого прорезалась глубокая морщина.

– В Киев, – сказал Руслан.

– Почему именно в Киев?

– Во-первых, город большой, там затеряться легко. Во-вторых, там у меня кое-какие связи имеются. Отсидимся, осмотримся, поднимемся.

– Я, в принципе, против Киева ничего против не имею, – заявил Баркас, подумав.

– Я тоже, – поддержал друга Головастик.

Руслан молча кивнул. Он не сомневался, что его план будет принят единогласно.

Глава четвертая

1

В Киев добирались поодиночке, чтобы не привлечь внимание патрулей на вокзалах. Дольше всех ехал Руслан, поскольку, путая следы, сперва отправился в противоположном направлении.

В дороге он познакомился с красивой девушкой по имени Рита. Сблизило их то обстоятельство, что оба ехали на верхних полках одного купе, на расстоянии вытянутой руки.

Руслан, разумеется, рук раньше времени не протягивал, а лишь косился на лежащую справа девушку в тонкой полосатой маечке и трикотажных брючках. Ее волосы были собраны в пучок на макушке, позволяя любоваться правильными чертами ее лица и шеи. В мочках ушей горели крохотные звездочки сережек. Ногти девушки были украшены миниатюрными цветами. Она сосредоточенно тыкала пальчиком в свой смартфон, то хмурясь, то улыбаясь.

– С женихом переписывается предположил Руслан.

Почему-то от этого ему сделалось обидно. Не то, чтобы он втюрился в соседку с первого взгляда или вообще имел на нее какие-то виды. Просто захотелось вдруг, чтобы она обратила на него внимание, отметила, какой у нее симпатичный попутчик, одарила бы его мимолетной улыбкой. Однако, чувствуя на себе взгляд Руслана, девушка наморщила нос и повернулась к нему спиной. Было очевидно, что лежать лицом к стенке ей неудобно, однако она выбрала эту позу, чтобы дать понять соседу, насколько ей неприятно его общество.

Некоторое время Руслан лежал молча, покачиваясь вместе с вагоном. Газету или журнал он купить не догадался, новым мобильником пока не обзавелся, пить пиво в гордом одиночестве считал ниже своего достоинства. Попытался смотреть в окно, перевернувшись на живот и упершись подбородком в скрещенные руки, но за окном было темно, и Руслан не видел там ничего кроме собственного отражения. Скорее бы свет выключили, что ли, раздраженно подумал он, снова укладываясь на спину. Подушка попалась неудобная, матрас постоянно сползал с полки, уснуть мешал не только электрический свет, но и бубнеж внизу, который становился все громче и громче по мере того, как расположившиеся по обе стороны от столика парни опустошали бутылку водки, закусывая дурно пахнущими беляшами.

Судя по тому, как плохо ворочался язык одного из них, бутылка эта была не первая, а, может быть, последовала за солидной порцией пива. Парни были одногодки Руслана и говорили в основном о каком-то бое, в котором учувствовали вместе. Тот, который сидел прямо под Русланом, носил тельняшку-безрукавку. Его опьяневший приятель предпочел черную майку, обтягивающую торс. Было очевидно, что оба гордятся цветными пижонскими наколками на своих плечах и бицепсах.

«Тельник», как окрестил его Руслан, украсил себя драконом, невразумительными иероглифами и орлом с окровавленным клювом. Наколки или наклейки «Бухарика» изображали разных оскаленных хищников. То растягивая слова, то неожиданно их сокращая, он убеждал товарища в том, что является самым сильным и смелым десантником в мире. Тельник не возражал, хотя из некоторых его реплик следовало, что самый сильный и смелый все же он, тогда как Бухарик занимает второе место в мире.

Не слишком вникая в их пьяную болтовню, Руслан задремал и даже увидел обрывок какого-то сна, когда был разбужен громкими голосами. Насколько он понял, девушка с соседней полки попросила парней выключить свет или хотя бы разговаривать потише. Это было с ее стороны не просто глупо, но и неосторожно. Вместо того, чтобы заткнуться и лечь баиньки, brave десантники поднялись со своих мест и стали наперебой предлагать попутчице свою

дружбу, водку и недоеденный беляш. Делалось это чересчур навязчиво, чтобы Руслан терпел слишком долго.

– Э! – он деликатно похлопал Бухарика по затылку. – Угомонись. Тут люди отдыхают, если ты не заметил.

Пара налитых кровью глаз уставилась на него с явным непониманием.

– Это кто тут «люди»?

– Да хотя бы я, – сказал Руслан. – И девушка на соседней полке.

Тельник выглянул из-за татуированного плеча Бухарика и задиристо поинтересовался:

– А мы тогда кто такие?

Руслан пожал плечами:

– Два танкиста, два веселых друга? Два гусара? Вообще-то я не по военному делу, так что могу ошибаться.

– Ты очень ошибаешься, – заверил его Бухарик, грозно, как ему казалось, тараща глаза. – Мы не танкисты и не гусары. Мы десантники, понял?

– Водоплавающие? Летающие? Или подземные?

– Та-ак, – протянул с мрачным удовлетворением Тельник. – Товарищ нарывается. Товарища придется научить любить защитников родины.

Девушка посмотрела на Руслана, как на самоубийцу и попыталась утихомирить парней, объявивших себя десантниками.

– Ребята, не ссорьтесь, – произнесла она увещающим тоном. – Все устали, всем нужно отдохнуть.

– Сейчас кое-кто отдохнет, – многозначительно пообещал ей Бухарик. – Протянет ноги и забудется.

– А ну слазь, – потребовал его приятель, протягивая руку к предплечью Руслана. – Поглядим, такой ли ты борзый на деле, как на словах.

Руслан смерил Тельника таким взглядом, что тот не решился довести движение до конца. Рука его повисела в воздухе, а потом схватилась за полку.

– Сам слезешь, или тебе помочь? – осведомился Бухарик, безрезультатно стараясь сфокусировать взгляд на Руслане.

– Немедленно прекратите! – повысила голос Рита. – Или я проводника позову.

– Да хоть начальника поезда, – ухмыльнулся Тельник.

Вывернув шею, Руслан посмотрел в окно, за которым проплывал пустынный, но ярко освещенный перрон. Поезд двигался все медленнее, готовясь остановиться.

– Разбираться на свежем воздухе будем, – сказал Руслан, приподнявшись. – Чтобы не мешать пассажирам отдыхать, согласно купленным билетам. Возражения есть? Возражений нет. – С этими словами он показал глазами на дверь купе. – Прошу на выход.

– А ты? – подозрительно спросил Бухарик, раскачиваясь так сильно, словно вагон не остановился, а набирал ход, болтаясь из стороны в сторону.

– Я за вами, – сказал Руслан.

Сказал так, что ему нельзя было не поверить.

Переглянувшись, десантники вывалились в коридор. Руслан соскользнул с полк и сел на пустую полку, обуваясь.

– Не ходи, – попросила его девушка сверху. – Они же пьяные и дурные.

– Это я заметил. Тебя как зовут?

– Рита.

– Не волнуйся, Рита, – подмигнул ей Руслан. – Все будет правильно, все будет хорошо. Дальше поедет без приключений.

– Но...

– Обещаю. Кстати, меня зовут Руслан.

– Очень приятно, – слабо улыбнулась девушка. – А я Рита.

– Ты уже говорила. Я запомнил. На память не жалуюсь. – Руслан подмигнул вторично и, прежде чем выйти за дверь, попросил: – С полки не слазь, из купе не выходи, никого не зови. Договорились, Рита? Поверь, я такие ситуации разруливаю значительно лучше, чем проводник и начальник поезда вместе взятые.

Она снова улыбнулась. Несколько смелее, чем полминуты назад. Удовлетворенный, Руслан покинул купе.

2

Проводница на перрон не спускалась, перетаптывалась в тамбуре, кутаясь в свою форменную тужурку и зевая.

– Сколько стоим? – деловито осведомился Руслан.

– Отправление через две минуты, – ответила проводница. – Не успеете ведь покурить. И что вам в вагоне не сидится? Сначала эти пьяндылыги, теперь вы...

– Ты кого пьяндылыгами назвала, селедка моченая? – возмутился Бухарик, заглядывая в дверной проем. – Защитников отечества? Ноги тебе мало выдернуть за такие слова.

– Беспокойные пассажиры, да? – тихо спросил Руслан у проводницы. – Ничего, дальше они не поедут. Только шума не поднимай, ладно?

– Вы о чем там шушукаетесь? – подозрительно осведомился Тельник, заглядывая в тамбур снизу.

Ничего ему не ответив, Руслан сиганул через головы татуированных десантников прямо на перрон. Они еще только начинали оборачиваться, когда он, хорошенько размахнувшись, огрел Бухарика по затылку, попав локтем точнехонько в самое начало ложбинки на шее.

Охнув, парень наклонился и сделал шаг вперед, после чего боднул борт вагона головой.

Его дружок довольно ловко подпрыгнул, целясь вытянутой вперед ногой в грудь Руслана. Осталось лишь поймать его за лодыжку и дернуть на себя. На физиономии Тельника промелькнуло изумление, сменившееся болезненной гримасой, когда он упал навзничь, приложившись затылком о плиточное покрытие. Руслан шагнул к нему, приподнял и дважды ударил переносицей о свою голову.

Поезд дернулся, громыхнув своими стальными суставами, колеса шевельнулись. Решив, что в его распоряжении есть еще секунд десять-пятнадцать, Руслан не пожалел времени на то, чтобы окончательно вывести противников из строя. Постучав башкой Бухарика об столб, он немного попинал Тельника, а под конец представления прыгнул ему на живот.

– Вы же его убьете! – испуганно пискнула проводница.

– Не-а, – весело возразил запыхавшийся Руслан, запрыгивая на подножку тронувшегося с места вагона. – Я гуманист и пацифист. И не сторонник кровопролития.

– Ага, не сторонник! Вы же как зверь на них набросились.

– Исключительно в целях твоей безопасности. Ведь эти двое, – Руслан кивнул туда, где остались недавние попутчики, – в покое бы тебя не оставили. Допили бы свою водяру и к тебе за добавкой отправились бы. А там им любви захотелось бы, большой и светлой. Или поквитаться с тобой за нелестную характеристику. В общем, ночка бы еще та выдалась. Так что скажи спасибо.

– Спасибо, – пролепетала проводница и, спохватившись, принялась загремела подножкой, готовясь закрыть дверь.

Когда Руслан, пройдясь валкой походкой моряка по коридору, добрался до своего купе, там было убрано, хотя запах перегара и беляшей выветриться не успел.

– А я все в окно видела, – похвасталась Рита, сидящая на освободившейся нижней полке. – Поняла, что наши соседи дальше не поедут, и выбросила все их бутылки и объедки.

– Это правильно, – кивнул Руслан, устраиваясь напротив.

– Правда, остальные их вещи здесь остались... Как же они теперь?

– Сдадут их в камеру хранения, или как там она называется?

– Я про наших соседей, – уточнила Рита.

– Они нам больше не соседи, – сказал Руслан. – И слава Богу.

– Все-таки я немножечко за них переживаю.

– И напрасно. Они уже взрослые, должны отвечать за свои поступки. Кроме того, это ведь не ботаники какие-то, а десантники. Значит, им добраться до Киева даже своим ходом – раз плюнуть.

– Ой, – покачала головой Рита, – далековато все же.

– Ну, устроят марш-бросок по пересеченной местности, – сказал Руслан. – Им это только на пользу пойдет. Не все же ханку жрать да былыми подвигами похвалиться. Теперь у них появится новая тема для разговоров. Опять почувствуют себя героями.

– Ты очень язвительный, Руслан.

– Смотря для кого, Рита. Вот к тебе у меня отношение другое. Ты киевлянка? Или в гости едешь?

– Работать, – ответила девушка. – Во всех столицах всегда денег больше, людей, а, значит, и рабочих мест. – Поколебавшись, она призналась: – Я два года экономила, чтобы в Киеве квартиру снять. На завтра у меня собеседование назначено. Если повезет, то завтра же и с жильем определюсь.

– Давай телефонами обменяемся, – предложил Руслан. – Я в Киеве некоторое время пробуду. Вдруг моя помощь понадобится.

– Не думаю, что опять нарвусь на пьяных десантников, – улыбнулась Рита.

– Да они и не десантники вовсе. Нажрались, вот и буровили всякое, чтобы впечатление произвести.

– А наколки?

– Да сейчас любой может себе что угодно нарисовать, – махнул рукой Руслан. – Не завидую я тем, кто себя, как павлин, украсил, а потом за решетку угодил. Там с него спросят.

– Кто спросит? – насторожилась Рита.

– Люди.

– Какие люди?

– Разные, – ответил Руслан. – Предлагаю закрыть эту тему.

Поколебавшись, девушка кивнула:

– Хорошо. Тогда доставай свой телефон.

– Зачем?

– Ты ведь сам предложил обменяться номерами, забыл?

– А-а, – протянул Руслан. – Слушай, ты просто продиктуй свой номер, а я запомню. У меня память на цифры отличная.

– А свой номер ты мне дать не хочешь? – нахмурилась девушка.

– Я свой мобильник потерял, Рита, – соврал Руслан. – Завтра обзаведусь новым и сразу отзвонюсь.

– Понятно...

Словно тень пробежала по симпатичному лицу Риты. Номер она продиктовала, но как-то неохотно и явно безрадостно. Руслана это покорило. Что, раз он без мобилы, так и не человек вовсе?

– Ты очень ошибаешься, если думаешь, что я голь перекатная, – заявил он сухо. – Я могу купить себе хоть айфон «эппловский», если пожелаю. Денег у меня валом, вот, гляди. – Чувствуя, что он краснеет, Руслан помахал в воздухе толстой пачкой денег, вынутой из кармана. – Так что напрасно ты нос воротишь.

– Я не ворочу, – тихо произнесла Рита, но сама тут же отвернулась и уставилась в окно, за которым невозможно было разглядеть ничего более интересного, чем случайные и очень далекие электрические огоньки.

В наступившей тишине было слышно, как стучат колеса несущегося сквозь мрак поезда. Вдруг почудилось, что едет он из ниоткуда в никуда, и ночь эта никогда не кончится.

3

Пока длилась пауза, Руслан не смотрел на новую знакомую, которая тоже не удостоила его ни единого взгляда. Сначала он хотел разозлиться, а потом подумал, что вел себя как какой-то хвастливый купец, потрясающий мощной в кабаке, и ему стало стыдно.

- Не дуйся, Рита, – попросил он. – Куда-то не туда нас с тобой занесло.
- Лично меня никуда не занесло, – отозвалась она, вставая. – Я спать хочу.
- Подсадить? – предложил Руслан, показывая глазами на верхнюю полку.
- Сама справлюсь.

Невидимая стена отчуждения возникла между ними. Забравшись на свою полку, Рита укрылась простыней и закрыла глаза. Выключив свет, Руслан последовал ее примеру. Он лежал молча минут пять и решил, что отношения с попутчицей испорчены навсегда, когда она подала голос:

- Ты спишь?
- Нет, – ответил Руслан.
- Я хочу тебя о чем-то спросить... Можно?
- Почему же нельзя. Если без протокола, конечно.
- Ну вот, – тихо произнесла Рита. – Даже шутки у тебя такие же.
- Какие такие же? – спросил Руслан.
- Уголовные... Или тюремные... Не знаю, как правильно назвать.
- Блатные, ты хочешь сказать?

Руслан любил прямоту, поэтому предпочитал сразу расставлять точки над «и». Вот и сейчас он не стал юлить и напускать туману. Похоже, его собеседница тоже ценила честность, потому что ее ответная реплика прозвучала так:

- Да, я именно это хотела сказать.
- Если тебя волнует, есть ли у меня судимость, – сказал Руслан, – то я отвечу: да, есть.

Я сидел. Или тянул срок, как у нас говорят.

- Я так и поняла, – почти прошептала Рита.
- Что, очень заметно?
- Заметно. Ты ни капельки не испугался этих десантников, когда они привязались. И дерешься не так, как обычный парень с улицы. Плюс к этому словечки всякие проскальзывают, шуточки-прибауточки... Но главное не это.
- А что главное?

– Взгляд, – ответила Рита. – Такие взгляды только за решеткой вырабатываются. Или за колючкой, как вы говорите. В неволе, одним словом.

Руслан почувствовал не очень сильный, но все же достаточно болезненный укол ревности.

– Откуда тебе известно, какие у зеков взгляды? – поинтересовался он. – Кстати, в заключении находятся очень разные люди, и смотрят они тоже по-разному.

– Это я понимаю, – согласилась Рита. – Но я имею в виду таких, как ты. Которых срок не испугал и не сломал. И которые по этой причине не побоятся сесть снова и снова. Я говорю о... о рецидивистах.

- Это ментовской термин, – заметил Руслан. – Они называют так воров.
- Знаю. Просто язык не повернулся назвать тебя вором.
- Напрасно. Для меня это не оскорбление, а честь.
- Вот, – тихо сказала Рита. – Именно так он и говорил.

Минуту или две было слышно, как стучат, не умолкая, стальные колеса, как будто ударник выбивал нескончаемые дроби на барабанах.

– Кто, – спросил Руслан, покачиваясь в темноте вместе с вагоном.

– Отец, – ответила Рита. – Он всегда сидел, сколько я его помню. Выходил, гулял пару месяцев, и его снова забирали. Как в фильме про джентльменов удачи. Украл, выпил, в тюрьму... Украл, выпил, в тюрьму...

– Ну, это для смеха так придумано.

– Нам с мамой смешно не было.

– Я про фильм, – уточнил Руслан.

– А я про жизнь, – сказала Рита. – Один раз папа принес мне целую гору разных подарков. Я чуть не лопнула от счастья. А потом все это конфисковали. Как вещдоки по делу ограбления «Детского мира». Теперь ты понимаешь, почему мне неприятна всякая блатная романтика?

– Понимаю.

– Тогда не обижайся, что я не смогла с тобой болтать на отвлеченные темы. И спокойной ночи.

С этими словами Рита зашуршала постельным бельем, отворачиваясь к стенке.

– Спокойной ночи, – запоздало откликнулся Руслан.

После чего промаялся без сна почти до утра. Несмотря на добрые пожелания, ночь выдалась как раз очень беспокойная.

Глава пятая

1

Совместная жизнь с друзьями тоже не задалась. Руслан встретился с ними возле метро «Арсенальная», как договаривались перед расставанием. Новых телефонов у них тогда еще не было, а от старых все трое избавились, так что пришлось назначать место сбора. Условились торчать у входа в метро с десяти до одиннадцати, пока не соберутся втроем. Приехавший на «Арсенальную» Руслан обнаружил, что Баркас с Головастиком уже объединились, причем продолжают выпивать по этому случаю. На встречу оба явились навеселе, выделяясь из общей массы деловитых киевлян и гостей столицы.

– Когда нажраться успели? – недовольно поинтересовался Руслан, пожав руки корешам.

– Дурное дело нехитрое, – заржал Головастик.

А Баркас надулся:

– Почему сразу «нажрались»? Ну выпили маленько. Сухой закон, вроде, никто не объявлял.

– Придется объявить, – сказал Руслан, – если с утра квасить будете.

– А мы не с утра, – заверил его Головастик. – Мы еще со вчерашнего вечера гудим.

И опять заржал.

«Ладно, – решил Руслан. – На первый раз прощается. Да и мне, пожалуй, алкоголь не помешает. Уж больно настроение пакостное. И зачем ты, Ритка-Маргаритка, душу мне разбредила, скажи на милость?»

Через двадцать минут они поднялись из метро на станции «Олимпийская». Еще через двадцать минут вышли из магазина с пакетами, набитыми снедью и выпивкой. В общей сложности не прошло и часа, как они расселись в гостиную арендованной квартиры и сдвинули наполненные бокалы.

– За удачу!

– За новую жизнь!

– Чтоб всегда так фартило!

После нескольких тостов Баркас и Головастик окосели и отрубались так стремительно, что Руслан не успел даже захмелеть как следует. Вдохнув, он уложил одного на диван, а второго отволок в спальню. Покурил, опрокинул рюмашку, закусил сухой колбаской, но пить и есть в одиночку было скучно. Тогда Руслан набрал номер Риты и предложил встретиться. Она ответила шепотом, что у нее собеседование, и что ей вообще лучше позвонить через пару дней, когда она устроится на работу и определится со своим распорядком дня.

Завершив разговор, Руслан походил по квартире. Было тихо и смертельно скучно. Головастик дрых на спине, свесив руку с дивана и слабо постанывая в промежутках между раскатами богатырского храпа. Баркас спал лицом вниз, раскинув обутые ноги по чистому покрывалу. Полюбовавшись этим удручающим зрелищем, Руслан решительно сунул в карман запасную связку ключей, проверил, на месте ли деньги, и отправился гулять по городу.

Как следует подкрепившись в кафе, он долго бродил улицами, парковыми аллеями и переулками, запоминая пути-дороги, которые могли пригодиться. Когда ноги начали гудеть от усталости, Руслан сходил в кино, подкрепился там попкорном со сладкой водичкой, а потом возобновил пешую прогулку, потому что хотел ориентироваться в Киеве если не как у себя дома, то все же лучше, чем слепой котенок. Закон выживания. Догоняешь ли, удираешь ли, а без знания местности шансов всегда будет маловато.

В общем и целом украинская столица Руслану понравилась. Раздражали, правда, бесконечные подъемы, которых было в Киеве почему-то раза в два больше, чем спусков. Знаменитые каштаны росли на улицах в таком количестве, что как бы исчезли из виду. Дома с химерами Руслан не нашел, Крещатик впопыхах не разглядел, к самому Днепру не спустился. Тем не менее, впечатлений у него было хоть отбавляй. А устал он, как собака, да и проголодался примерно так же.

Входя в квартиру, он надеялся учуять аппетитный запах какой-нибудь еды – картошечки жареной, отбивных или, на худой конец, яичницы с ветчиной. Однако ожидания его обманули. В квартире было темно и тихо, Головастик с Баркасом заваялись неизвестно куда, не оставив даже записки. Позвонить им? Руслан определенно не хотелось этого делать. Он подозревал, что кореша опять напились до невменяемости и опасался, что, услышав их пьяный бубнеж, сорвется по-настоящему.

Стараясь не думать о том, где находятся и чем занимаются друзья, Руслан поел всухомятку, выпил бутылку пива, стакан вискаря и отправился в душ. Выбравшись оттуда, томный и распаренный, он принял еще немного алкоголя, закурил и уселся перед телевизором. На втором или третьем по счету канале шел концерт Сереги Холодного.

– В рай, – хрипло произнес он, приблизившись к микрофону.

Это послужило командой для суровых мужиков, которая дружно замолотили по клавишам, барабанам и струнам. Выждав положенное количество тактов, Холодный запел:

*Чужих грехов на плечи – тонны,
По кусу хлеба, как по кляну,
Потом построили в колонны
И в рай погнали по этапу.*

*Не шли – ползли по бездорожью
По километру в день едва ли,
Лишь лимузины жидкой ложью
Нас, обгоняя, обливали.*

Во время короткого проигрыша Руслан успел открыть новую бутылку пива и, поспешно вернувшись на диван, услышал продолжение:

*Сперва роптали и плевались,
Потом привыкли, притерпелись,
Всё чаще песни раздавались —
Чем громче, тем фальшивей пелись.*

*В пути нас сладенькой водичкой
Взамен жратвы поили часто,
Но, как обманом ты не пичкай,
А силы кончились, и баста!*

*Мы стали водку пить с устатку
И, повалившись в грязь повально,
От скуки резать правду-матку,
Кто без ножа, а кто – буквально.*

Последовал новый проигрыш. Длился он не дольше пятнадцати секунд, но за это время Руслан успел не только прикурить сигарету, но и сжечь ее наполовину.

*Напившись крови, захмелели.
Конвой и тот дремать уж начал.
Нам только не вставать велели.
Но я вот рассудил иначе.*

*Когда бежал, сбивая комья,
Толкнула в спину пуля больно,
И в рай ворвался напрямиком я —
Взаправду и не подневольно.*

Песня оборвалась так неожиданно, что Руслан вздрогнул, словно находился в резко затормозившем автомобиле.

«Круто», – оценила он и, чтобы не перебивать впечатление от понравившейся песни, выключил телевизор. В тишине было слышно только журчание воды в трубопроводе. Зевая, Руслан постелил себе на диване, лег и как будто умер.

2

Разбудил его глухой, полный трагизма голос Головастика:

– Русик!.. Проснись, Русик!

Руслан открыл глаза, уставился на склонившуюся над ним фигуру друга.

– Какой я тебе Русик! – проворчал он хриплым спросонья голосом.

– Руслан, – поправился Головастик и хрустнул переплетенными на уровне груди пальцами. – Надо ехать бабло забирать. У тебя ведь ствол есть, они отдадут.

От него сильно несло перегаром, но пьяным он не выглядел. Так бывает, когда нервное напряжение оказывается сильнее воздействия алкоголя. Чаще всего в моменты потрясений. Человек пьет стакан за стаканом, чтобы забыться, а опьянеть не может. Походило на то, что с Головастиком что-то стряслось, пока он отсутствовал.

– Бабло? – Руслан сел, протирая кулаками глаза. – Какое бабло, брат?

– Моя доля. Все забрали, подчистую. Ничего не осталось.

Отойдя от дивана, он некоторое время постоял возле открытого настежь окна, за которым розовел рассвет. Было слышно, как галдят и хлопают крыльями голуби, плодящиеся в Киеве в невероятных количествах.

– Который час? – спросил он, откашлявшись.

– Где-то около пяти, – ответил Головастик, не удосужившись ответить точно. – Какая разница, Руслан? Главное, что они еще открыты. Надо поехать и забрать лавэ.

Говоря, он принялся нервно расхаживать по комнате, обхватив себя за плечи, как человек, которому стало холодно.

– Куда поехать? – стал спрашивать Руслан. – Где тебя обообрали? На гоп-стоп взяли или пощипали просто?

Головастик остановился и недоумевающе уставился на Руслана.

– Почему «гоп-стоп»? – удивился он.

– Слушай, что за непонятки, Голова? Ты излагай толком. А то мечешься, трясешься. – Руслан указал на кресло возле телевизора. – Туда падай. И рассказывай.

Прежде чем сесть, Головастик сходил на кухню, отыскал там водку и вернулся с полным стаканом.

– Нервишки поправить надо, – пояснил он, нюхая кусок хлеба.

– Не гони лошадей, – сказал Руслан.

– Я чуть-чуть. Для куражу. – Опустошив стакан, Головастик сморщился, пожевал хлеб и спросил:

– Что такое баккара знаешь?

– Знакомое название. Где-то слышал.

– Это карточная игра, – пояснил Головастик, физиономия которого вновь сделалась гладкой и утратила зеленоватый оттенок, благодаря проступившему на щеках и лбу румянцу. – Шансы банкующего и игроков примерно равны. Проиграться в пух и прах или отхватить куш можно только пойдя ва-банк.

– Та-ак, – протянул Руслан, скрещивая руки на голой груди. – Ты, значит, в казино был?

– Ну да, – ответил Головастик таким тоном, будто речь шла о чем-то само собой разумеющемся. – Сел за стол четвертым. Банкующий посередке, мы по обеим сторонам. Плюс телка в купальнике, с лопаткой. Крупье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.